

Л.Ф. Попова

**ОБРЯД СУНДЕТ ТОЙ
В ЮЖНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ
(по материалам полевых исследований 2014 г.)**

Этнографическая экспедиция в Южно-Казахстанскую область Республики Казахстан в 2014 г. проводилась автором в рамках программы региональных исследований отдела этнографии народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана Российского этнографического музея (выезд осуществлялся совместно с сотрудниками МАЭ РАН И.В. Стасевич и С.В. Бельским). Маршрут поездки пролегал между г. Туркестаном, аулом Ак-Булак Орда-Басинского района и г. Шымкентом. Основными задачами экспедиции являлись фиксация особенностей бытовой культуры казахского населения области, определение факторов, обусловивших сложение этих особенностей, выявление тенденций в соотношении традиции и новации в укладе современной казахской семьи. Особое внимание в связи с этим было уделено семейной обрядности как компоненту культуры со сложной устойчивой структурой, но в то же время восприимчивой к вызовам времени.

Обряд обрезания *сундет той* у казахов еще не стал предметом специального исследования. В письменных источниках XVII–XIX вв. он описан весьма лапидарно, примером чему может послужить выдержка из труда А.И. Левшина: «Постановление Магомета об обрезании соблюдается киргизами с несравненно большею против прочих законов точностью. Они совершают оное над детьми своими от 3 до 10 лет их возраста, большею частью посредством мулл, нарочно обучающихся сему искусству и исполняющих оное при чтении молитв как священный обряд религии. Родители в то время дают праздники» [Левшин 2007: 68]. В советский период по идеологическим соображениям обряд находился под негласным запретом, который, впрочем, довольно успешно игнорировался. После распада СССР,

когда ислам стал рассматриваться как национальная ценность и важный компонент этнической идентичности казахов, *сундет той* приобрел особую актуальность.

В настоящее время на территории Казахстана в обряде фиксируются региональные особенности, которые выражаются в степени масштабности ритуальных действий: числе приглашенных гостей, круге вовлеченных родственников, объеме материальных затрат. Если в северных областях страны данный праздник редко выходит за пределы семьи, то в Южно-Казахстанской области обрезание, считающееся важнейшим событием в жизни мужчины, имеет характер общественной манифестации. Достойное проведение *сундет тоя* является прямым долгом отца, социальный статус которого зависит от этого фактора. В данном аспекте южно-казахская модель ритуала соответствует традиции соседнего узбекского населения и в целом может считаться частью культуры прилегающего Ташкентского оазиса. По мнению ряда опрошенных экспертов, слабое празднование обрезания в северных районах Казахстана можно объяснить поздним развитием мусульманской обрядности вследствие ранней русификации и слишком тонкого слоя *кожа* — особого условия, принадлежащего к «белой кости» и ведущего свое происхождение от четырех праведных халифов [Абашин 2001: 72]. Именно *кожа* по казахской традиции делали мальчику операцию и освящали сопутствующие ритуальные действия. В этой связи показательно указание Фалька на отсутствие специалистов: «...по киргизским степям разъезжает несколько операторов обрезания. За совершение этой необходимой правоверному магометанину операции взимается хорошая плата — овца, и эти люди очень богаты. Но их тоже не хватает. У киргизов можно встретить даже подростков, мальчиков лет 14, еще не обрезанных» [Этнография казахов... 2007: 125].

С данными XVIII в. неожиданно переплетается сообщение информанта из рода *кожа*: «Один мой знакомый оказался представителем подрода *акходжа* среди, кажется, племени аргынов, и хвастался тем, что является моим “сородичем”. Оказывается, в старину их предки так долго ждали ходжу для обрезания своих детей, что, не дождавшись, решили поручить это важное дело

двум братьям из своего рода. После того как они набили руку в этом деле, народ дал им новые имена: белокожему — Акходжа, а смуглому — Караходжа. Потому они и выделились в отдельные колена. Примечательно, что их настоящие имена потомки помнят, но по-прежнему именуют “псевдонимами”. Зато крайнюю плоть детям обрезали почти “настоящие ходжи”» (ПМА).

Пока не вполне ясно, какое место в проведении ритуала в казахских степях могли занимать татарские *баба*, *бабачы*, «которым это умение передавалось по наследству от отцов и дедов. Были селения, для мужского населения которых это стало основным промыслом. В Заказанье, например, этим славились две деревни — Кошман Свияжского и Масра Казанского уездов. Профессионалы ходили по аулам, предлагая свои услуги» [Урмазанова 2009: 18]. Или эти специалисты не могли похвастаться благородным происхождением?

Хотя в настоящее время удельный вес казахов-*кожа* среди населения Южно-Казахстанской области весьма велик, этот фактор в поддержании обрядности стал косвенным — обрезание обычно делает профессиональный хирург, чья родовая принадлежность не считается значимой.

В данном сообщении описан *сундет той*, проводившийся в Шымкенте семьей из пос. Ак-Булак (20 км от города). Сценарий праздника, со слов информантов, типичен и может быть рассмотрен как локальная традиция. Ныне для жителей Шымкента и близлежащих аулов обычным местом проведения празднеств является городская *той-хона* — помещение ресторана типа с большим залом на 400–600 человек. Безусловно, в современных условиях использование специализированного съемного помещения упрощает организацию праздника, и спрос на эту услугу весьма велик — очередь растягивается на несколько месяцев. Временной промежуток между датой операции и праздником может быть значительным.

Среди гостей *сундет тоя*, несмотря на поздний час, было довольно много детей, поскольку праздник отчасти воспринимается как детский. Учитывая, что для современной казахской культуры отношения старшинства и возрастные кластеры не утратили актуальности, в обязательном присутствии сверстни-

ков «испытуемого» можно усматривать отголоски представлений о групповом характере «инициации» [Снесарев 1971: 264].

Приглашенные на *той* рассаживаются за большими круглыми столами по 12 человек. Представляется, что это обыкновение является проекцией обычая размещать в ауле большое количество гостей по домам родных и соседей именно по 12 человек, наделяя эту группу угощением *кунак* — тушей одного барана. Как известно, эта туша ритуально делится на 12 знаковых частей, вокруг которых структурируется сообщество сотрапезников.

Порядок казахской праздничной трапезы всегда неизменен: сначала чайный стол с закусками, а затем основной стол с бешбармаком как наиболее престижным блюдом. На чайном столе в качестве знаков высокого статуса застолья находились *баурсаки* и мясное конское ассорти: колбаса *казы*, отварная прямая кишка *карта*, копченый подгивный жир. Спиртные напитки, несмотря на мусульманскую подоснову события, не запрещены. Торжественность момента при подаче бешбармака была подчеркнута театрализованным шествием вереницы юношей и девушек с большими деревянными блюдами *табак*, имитирующими старинную утварь для раздачи мяса. Каждый стол получал свое блюдо.

Общее руководство *тоем* осуществлялось тамадой согласно четкому сценарию, который предварительно был обсужден в семейном кругу. Вопрос об авторстве сценария представляет для этнографа известный интерес в связи с процессом современного культурогенеза: какой именно культурный опыт лежит в основе современных форм ритуальных практик, как формируется структура и мифология обрядов в постсоветский период? Одной из мифологических новинок *сундет тоя* в Южном Казахстане является артистическое воплощение образа святого Кыдыр-Аты в виде седого старца в белом одеянии. В обряде он выступает как хранитель мудрости и сакрального знания, податель всяческого блага. Согласно сценарию этот персонаж рассказывает собравшимся о смысле обряда, особо приветствует семью мальчиков и дает ей благословение *бата*. Формирующийся культ Кыдыр-Аты требует специального внимания культурологов, поскольку

он заложен и в основу образа казахского «Деда Мороза» как центрального персонажа Навруза. Ряд современных изысканий на тему истоков казахской религиозной традиции также не оставляют Кыдыр-Ату без внимания [Кондыбай].

Кульминацией праздника стал торжественный въезд в зал старшего мальчика верхом на белом коне. На шее животного — переметная сума для подарочных взносов в соответствии с традицией *коримдик* (плата за «просмотр нового»). В данном случае — это новое состояние организма ребенка. После завершения круга почета к старшему брату был на несколько минут посажен младший, также прошедший важную процедуру, но в три года. Мальчиков сняли с коня дядья со стороны матери, которые, по казахской пословице, «дороже семи отцов». Обычай авункулата сохраняет у казахов вполне живые разнообразные формы. Символика описанного действия очевидна: по давней традиции первая посадка на коня воспринималась в кочевом обществе как важная веха на жизненном пути будущего джигита. Интересно, что зачастую родители, опять же по старинному обыкновению, дарят мальчику коня, который пополняет его собственный табун, формирование которого могло начинаться в раннем детстве после обряда первой стрижки волос.

Дяди относят мальчиков в почетное место, где к ним присоединяются другие дети. За этим следует наиболее традиционная часть праздника — поздравления от трех кругов (*журт*) родственников: родных по крови со стороны матери и отца, разного рода свойственников клана, а затем и других гостей. Общим лейтмотивом выступлений явилась констатация новой стадии жизни ребят, взросления, обретения статуса мужчины, ответственного за свои поступки. В качестве благодарности за пожелания семья одаривала родичей предметами одежды, а аксакалов — парадными комплектами из золотошвейного халата и головного убора *калпак*. Символические памятные подарки чуть позже были вручены и всем участникам *тоя*.

Завершением праздника явилась обширная танцевальная программа, перемежающаяся с выступлениями профессиональных танцоров, певцов и двух аниматоров в костюмах гигантской панды и белого медведя.

В обрядовом плане *сундет той* всегда был тесно связан с козлодранием *кокпар*, хотя организация соревнований требует очень крупных расходов. По мнению информантов, эта связь в последнее время все более усиливается. Исчезновение *кокпара* в северной части Казахстана объясняется слабостью позиций ислама. В связи с этим опрошенные подчеркивают, что в республиканских соревнованиях чаще всего побеждают спортсмены именно из Южно-Казахстанской области.

Таким образом, празднование по поводу обрезания мальчика предстает как действие, сочетающее традиционные компоненты любого казахского *тоя* и элементы развлекательного шоу. При этом функции *сундет тоя* по-прежнему являются частью механизма социальной регуляции — это манифестация семейных и клановых ценностей, способ социализации мальчиков, формирование этнической идентификации с помощью опоры на яркие символы казахской культуры. В плане региональных исследований можно констатировать наличие локального варианта *сундет тоя* как маркера культуры казахского населения Южно-Казахстанской области. Наряду с этнической спецификой обряд содержит немало черт сходства с традициями соседнего Ташкентского оазиса, населенного преимущественно узбеками.

Библиография

Абашии С.Н. Потомки святых в современной Средней Азии // Этнографическое обозрение. 2001. № 4.

Кондыбай С. Мифология предказахов [Электронный ресурс]. Режим доступа: otuken.kz/index.php/skpubl/324?task=view (дата обращения: 24.05.2015).

Левшин А.И. Описание орд и степей казахов. Астана, 2007.

Снесарев Г.П. К вопросу о происхождении праздника суннат-той в его среднеазиатском варианте // Среднеазиатский этнографический сборник. Л., 1971. Вып. III.

Уразманова Р.К. «Мусульманские» обряды в быту татар // Этнографическое обозрение. 2009. № 1.

Этнография казахов в записках российских путешественников XVIII в. Астана, 2007.

Список сокращений

ПМА — Полевые материалы автора, 2014 г.